

НИНА ЕПЕРИНА

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ
ЛЮДИ

Нина Еперина

Замечательные люди (сборник)

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21620388

Аннотация

В сборнике собраны рассказы о периоде нашей жизни в «совдеповской действительности», в которую нам посчастливилось жить. Это было время, которое сегодня называют Пост Оттепелью, то есть в семидесятых, восьмидесятых годах.

Каких необыкновенных людей родило нам это время, и с некоторыми из них нам суждено было жить рядом и напитываться от них энергетикой Личности или бунтарским духом перемен...

Содержание

Владимир Высоцкий	7
Юрий Визбор	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Нина Еперина

Замечательные люди. Рассказы

*(ЛЮДИ, КОТОРЫХ ХОРОШО ЗАМЕТНО В ТОЛПЕ,
НАЗЫВАЮТСЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМИ)*

Мы живем в удивительном и огромном мире, а жизнь наша похожа на анфиладу комнат, через которую предстоит пройти.

Входя в первую, мы ещё даже не оглядываемся по сторонам, потому что только-только появились на свет белый и понятия не имеем, что следовало бы все-таки повертеть головой туда-сюда и осмотреться. А вдруг что-то вспомнится из прошлой жизни, до инкорнации? Но Бог нам этого не дал.

Мы родились самыми обыкновенными людьми, не индиго, которые помнят свои прошлые жизни, и даже не вундеркиндами. Мы родились просто голенькими человечками. Нам не дано проникнуть в длинный, боковой коридор, в который есть доступ экстрасенсам и прочим шаманам, чтобы пробежаться туда-сюда и посмотреть и на свое прошлое, и на свое будущее.

Поэтому мы живем по очереди в каждой последующей комнате, обрастая знаниями, опытом, ошибками, друзьями или недругами. Часть этого багажа мы тащим с собой в сле-

дующую, а часть бросаем в предыдущей за ненадобностью, но воспоминания догоняют иногда и в десятой по очереди комнате и тогда хочется не просто вспомнить, а как бы высказать их вслух или на бумаге.

Может, в этих воспоминаниях зарыта какая-то истина? Ведь все в этом мире не просто так, все в нем фатально и предопределено. Если ты в длинной своей анфиладе встретил интересного человека, значит, Господь решил подпитать тебя новыми для тебя знаниями. Значит, ты должен не просто это помнить, а благодарить Всевышнего за такие встречи и надеяться на будущее.

В моей анфиладе кого только не топталось! Такие выдающиеся личности, что мне иногда кажется, это все происходило только для того, чтобы поближе к концу моей анфилады, багаж тянул на много тонн, и держать его в себе больше становилось невозможно. А вы говорите, почему люди начинают писать? Потому что под самое горло подперло и руки зачесались.

В моей длинной анфиладе Личности стали появляться, начиная с моих девятнадцати лет. Ладно бы я была ребенком известных родителей, оно понятно, но я же была самая обычная девчонка, выросшая совсем в глухой провинции, в маленьком, то, что называется, рабочем поселке, пересыпанном летом белорусской деревней и пионерскими лагерями в лесу.

Вступая в свою длинную анфиладу, я понятия не имела,

сколько народа я встречу по пути, и какого народа!!! Само-го выдающегося и необыкновенного. К сожалению, написать обо всех людях не представляется возможным, потому что на это может уйти вся моя жизнь, так их много! Но написать о некоторых из них, которые были очень знаковыми для меня, я просто обязана. Первым в этой длинной веренице оказался совсем выдающийся человек, встрече с которым был бы рад любой человек на этой Планете!

Это был Владимир Высоцкий!

Нина Еперина. Автор

Владимир Высоцкий

Если тебе дали линованную бумагу, пиши поперек.

(Сказал Рэй Бредбери цитатой из Хуана Романа Хименеса.

Была у меня подружка. Звали её Лариска. Была она старше меня аж на целый год. Такой крепко сбитый экземпляр женской красоты девятнадцати лет от роду, метр семьдесят три в длину, плюс двенадцать см. каблук.

Натуральная, рыжеватая блондинка, с конопушками, с упрямо вздернутым подбородком, с крепкой, крестьянской шеей, с косой льняного цвета до самой этой самой, но с совершенно авантюрным характером, которому сей облик никак не подходил, потому, что внешне она больше смахивала на розовощекую доярку. А дояркина дорога от коровы до порога, ну не как не та, по которой понесло Лариску.

А ещё она шепелявила, как бы процеживая слова через щель в передних зубах, поэтому вместо ш у неё получалось что-то типа между с и ц.

Ее изначально всегда куда-то заносило. Зад перевешивал на поворотах. Когда мы были ещё молодыми и глупыми девчонками, и я училась аж в восьмом классе, мы с ней бегали на танцы. Но просто на танцы, было неинтересно. Мы с ней бегали на танцы в близлежащую воинскую часть, которая на-

ходила в глухом лесу. Вот, спрашивается, зачем нам надо было в этот лес пробираться мимо КПП, потом прятаться под кустами, кормить комаров, потом по глухой ночи выбираться обратно и идти пешком три километра по проселочной дороге? Мы ведь даже не танцевали на этих танцах. Мы там себе «нервы закаляли», как называла это Лариска. Причем, про нервы она высказывалась, глядя поверх меня в какой-то правый угол.

И, заметьте, что не я была инициатором всего этого безобразия. Другими словами всё на ней аж дымилось, а местами горело и стреляло.

Когда она закончила школу, скажем честно на жиденькие троечки, и родители ещё не очень определилась, в какой институт ей податься, Лариска не стала ждать судьбоносного решения про институт. Наверное, она и сама сильно сомневалась в своих выдающихся способностях, тем более, что судьба уже позвала ее лететь из отчего гнезда, при чем как можно дальше! А самое далекое место на карте в те, ещё совдеповские времена, был Дальний Восток. Вот в город Владивосток её и понесло. Из Белоруссии и на другой конец света.

Ничего себе! Да? А я вначале даже и не знала! Ничегошеньки не сказала, и молча укатила. Такая вот подруга! Шпионка!

Через год, когда уже и я закончила школу, Лариска вдруг заявила, как с дуба упала на мою голову! Приехала в отпуск.

Боже мой! Что это было! Вся разнаряженная в пух и прах! Вся в западных шмотках, в невероятной обуви «а ля заграница»! какая-то ухоженная и вся какая-то не наша! Даже голову стала сильно задирать! Оказалось, что она с... «ходила» на большущем лайнере в годовой круиз официанткой! Я обалдела!!!

Все девчонки ей страшно завидовали! Страшно! Ведь Лариска врала девчонкам такие невероятные, всевозможные рассказы про «там», что они только рот разевали, как воронята, и при этом как она задавааалась! Страшно! Ну, а меня, как всегда, Лариска решила потащить с собой. Она, почему-то, ещё в школе решила все решать за меня и вечно руководила, что я должна делать, куда двигать по жизни, вот и тогда так решила.

Жили мы в те далекие времена очень бедненько. Родители мои были из интеллигенции. Мама врач, а папа техник электронщик. Это сейчас мамина профессия уже стала хлебной, а тогда все «сидели» на окладах и жили от аванса до получки. А папа сидел у электронной машины, которая вместо продукта, выдавала одни графики, поэтому он был тоже «на окладе».

В провинции тогда все кормились огородом и подсобным хозяйством. Огорода у нас не было, была коммуналка на втором этаже, а подсобное хозяйство состояло из поросенка Васьки, который жил в сарае, и рыжего кота Рыжика. Поросянка регулярно резали «к зиме» и этим вот и кормились,

заготавливая в основном соленое сало, а по весне в сарае появлялся маленький Васька. Плюс банки с разномастным содержимым, собираемым в окружающих лесах... (Между прочим земляники мы за одну поездку втроем на мотоцикле с коляской собирала ровно по одному ведру и первое ведро вначале ели «от пуза», а только потом в банку.) Все.

А теперь представьте, что ехать нужно было в город Владивосток, на краю Вселенной. А билет, он денег стоит, и не хиленьких, аж сто двадцать рублей, не включая дорогу до Москвы плюс прожиточные! И это при средней зарплате восемьдесят. Поэтому билет покупается только в одну сторону и на Ларискины деньги, типа, в долг, потому что у меня, после школы, откуда деньги?

Дело было в середине июня. В общем, прилетаем мы в город Владивосток. (Я, между прочим, тогда первый раз в своей жизни летела на самолете). Для меня этот город оказался ну *очень большой*. Мы же с Лариской жили в маленьком, провинциальном городке о четырех улицах. Правда, градообразующим, как сейчас говорят, был один большущий, военный, закрытый завод, почтовый ящик. Он поставлял электронную продукцию для военных и космоса, поэтому был и «Первый отдел», и военпреды. Большую, составляющую часть населения, представляла интеллигенция в виде засланных по распределению из институтов инженеров, остальные рабочие шли на работу пешком из ближайших деревень. Итого народу было много. Но дома от этого не стано-

вились выше, а асфальт гуще, и театры не набежали в изобилии на наш городок. В общем, провинция. И даже ещё не у всех были телевизоры. . . .

А тут большой, портовый город, с изобилием всевозможных соблазнов. Магазинов, проспектов, больших домов, ресторанов, порта, и мужчиинин, в том числе и *«капитанов дальнего плавания»!* Тогда это было для меня очень загадочно, эти какие-то непонятные капитаны, как и их плаванья.

Не успели мы прибыть и заселиться в мореходное общежитие, как Лариска потащила меня по «злачным местам». Я-то думала, по молодости и полной провинциальной глупости, что мы едем в какое-то «злачное место», типа ресторан, а не на простую пьянку с девочками по вызову. Девочками оказались мы с Лариской и ещё пару-тройку её знакомых официанток местного разлива. Но я-то из-за них и подумала про ресторан, потому что девочки собирались целый день и так раскрасили свои внешности, что больше напоминали аборигенов из африканских джунглей. На их фоне я была мелким и облезлым заморышем из северной тундры, где «самолет хорошо, но оленя лучше», хотя моя провинция и находилась в Белоруссии.

«Злачным местом» оказался большущий пароходище, который стоял у причала аж в военном порту. Туда нас проводили какими-то партизанскими тропами через другие суда. Я по дороге только диву давалась, куда это нас ведут? Под

конец путешествия мы даже ехали на каком-то автопогрузчике.

Приехали мы, наконец-то, к причалу, потом по висящим мосткам перебрались на борт и оказались на настоящем, военном корабле. Назывался он – то ли крейсер, то ли лайнер, то ли флагман, то ли линкор, я так и не поняла, но ооочень большой. Какие там были красавцы-капитаны! Может быть даже и «дальнего плавания», я это тоже не очень поняла почти в самый первый день.

Вначале все было вполне прилично. Нас дружно напаивали и пели комплименты, целуя дамам ручки, потом все напились и перешли на скабрзные анекдоты. Потом стали лапать и таскать нас по очереди по каютам, а я была девушка скромная из глыбооокой провинции, начитавшаяся бульварных и не бульварных романов про любовь, и не понимала, как можно «у койку» без этой самой любви? Тем более, что я была ещё девственницей!

И не надо тут ха-ха! Это истинная правда! Тогда так могло быть.

Поэтому я стала прятаться, пользуясь всеобщим загульным настроением. Тупо прятаться по всевозможным углам и прочим закоулкам. Их на корабле было навалом. В конце концов, я заблудилась. Совсем. Поэтому, как только забрела в чью-то более-менее приличную и открытую каюту, тут же и забралась на вторую полку за занавеску. Там было похоже, что меня фик найдут.

Лежать за шторкой в тишине скучно – понятно, что я просто уснула, тем более под градусом. По-настоящему уснула. И все....

Сколько времени прошло – не знаю, но проснулась я от того, что корабль качает и очень сильно, и в моем животе все тоже качается и булькает! Тут до меня доехало, что мы плывем. То есть этот корабль, набирая скорость, куда-то явно рулил и на *очень приличной скорости!* Во всяком случае, его качало и болтало во все стороны, как-будто переваливало с бока на бок через горы! И тут я почувствовала, что в моем желудке не просто булькает, а булькает конкретно! Что мне реально плохо. Меня очень даже сильно подташнивало. Организм требовал немедленного воздушного пространства. Простору, ветра в морду и очищения.

Я сползла со второго этажа койки и потихоньку выглянула в коридор. Пусто! До самой лестницы не было никого, но начало так прилично из стороны в сторону, что тюкало об стенки. По лестнице я выбралась на палубу, уже зажимая рот, потому что мой организм, не привыкший к спиртным напиткам и нехилой болтанке, решил основательно очистить себя от всего, чего в него напихали и налили, плюс отравили никотином с непривычки.

Лучше всего нужно было бы выбраться на палубу повыше, на ветер, чем просто палуба первого этажа, тем более, что там она была, и тем более, что на первой палубе снова-таки матросики. Вот и пришлось, прижимаясь к стенке и сту-

каясь об нее спиной, проползать наверх, сдерживая рвотные позывы из последних сил вручную.

И не испугалась же дура! А могло ведь и ветром сдуть и волной смыть!

Но я, таки, донесла внутренности своего желудка до того места, с которого можно было выдать настоящую, полновесную струю в просторы морских глубин. И я стала блевать!

Как я блевала! Боже мой! Дальше чем видела! Я и не думала, что можно блевать так много и далеко! Такое впечатление, что я выпила цистерну спиртного и съела вагон еды! Потом блевать стало нечем, а желания никак не пропадали. Меня так вывернуло, что больше ничего не осталось внутри меня мне самой, поэтому я стала тихо терять сознание. В конце концов, сделав ещё несколько попыток облагородить остатками еды окружающее меня пространство, я просто улеглась на пол калачиком, обернувшись вокруг каких-то палок, на которых крепились какие-то приборы, для гарантии, что меня не смоеет или не сдует. И от этого страха, и от холода, хоть был и июнь, но хотя с моря дуло не хило и обдавало меня брызгами, я все-таки, вырубилась. Не забывайте, в результате пьянки часть алкоголя всосалась в мой несчастный организм.

А вокруг меня бушевали с грохотом волны, и уже прилично светало и я понимала, что прошла целая ночь, а сейчас утро...

Нашли меня матросики и устроили очень большой шум

по этому поводу, потому что, оказалось, что ночью объявили аврал и корабль вышел в море-океан на боевое задание, а тут поутру я валяюсь на верхней палубе! Девчонок-то ещё ночью шустренько высадили на берег, а меня не нашли и даже побоялись об этом сообщать руководству!

Говорят, это очень плохая примета – баба на военном корабле во время похода. У них там даже коки были только «капитанами дальнего плавания»! Во как!!!

Рассказывать вам про этот шум и трам-тарам я не буду. Кому-то по шапке попало. Последствия были очень плачевными, особенно для меня, но рассказ у меня про другое...

Меня тут же выперли из общежития прямо на улицу, а потом в придачу оказалось, что у меня «морская болезнь» и «ходить в моря» даже официанткой мне противопоказано!!! Сказали две врачихи казенным голосом. Приговор такой. Да я и сама уже догадывалась...

И осталась я в городе Владивостоке без крыши над головой, и без куска хлеба, и без знакомых, потому что, во-первых, я не могла найти Лариску, которую как понесло по «злачным местам», а точнее, по кочкам, так никак оттуда и не выносило. Во-вторых, когда я ее нашла, наконец-то, ночью несколько дней на вокзале, она ровно через час уже уходила в свой легендарный рейс. Сунула мне в руки какие-то копейки, чьи-то телефоны, глядя в правый угол прочитала напутственное слово казенным голосом, взмахнула крылом, лебедушка, да и укатила на такси, а я села на скамеечку у

входа в общагу и горько заплакала.

Приютила меня местная дворничиха, которая видела, как Лариска отбывала на такси и врубилась в тему, особенно после моих громких рыданий. Жила я у нее целую неделю. Она, даже, предлагала мне работу в смену с ней и крышу в дворничихой. Но я была девушка гордая, провинциальная, романы ещё не выскочили из моей головы, и я даже оскорбилась от такой дворовой перспективки.

Тогда она помогла мне с другой работой. Ее знакомая работала на стройке маляром, вот туда она меня и направила. Я и пошла. А что делать? Там без прописки давали койку в общаге и брали на работу ученицей маляра. А кем я ещё могла работать после школы? Начальником стройки, что ли?

Почему пошла? Да потому, что дворник по двору ходит с метлой, на виду у всего мира, а маляр внутри помещения и никто его не видит. Это и перевесило. А куда ещё я могла пойти? Не на панель же....

Поселилась я в общежитие, в комнате на четыре персоны. Две персоны – мрачные тетки, штукатурки, ещё одна веселая деваха, которая на самом деле жила у своего парня и я. То есть, фактически нас жило в комнате трое.

Тетки приходили с работы злые и вечерами пили водку, в выходные дни переходя на жуткие запои. Они собирали деньги, чтобы уехать на большую землю, и помогали детям переводами, потому что, оказалось, что они бывшие зечки после «химии». У них там, где-то, на большой земле, были

семьи и мужья, но это было так далеко, что навестить их родственники никак не могли. Поэтому тетки ненавидели свою работу до тошнотиков и проклинали судьбинушку в хвост и в гриву.

Я записалась в местную библиотеку, набирала там горы книг, загораживалась ими от теток и читала, читала... тоже запоем. А что было делать? Нужно было, как этим теткам, прокармливать себя и тоже собирать деньги на билет домой.

Билет в купе поезда, который шел до Москвы восемь суток стоил сто девять рублей, плюс на еду на восемь дней, плюс в Белоруссию ещё сколько-то, плюс Лариске долг! Ученические два месяца платили по двадцать пять, минус пять общага, минус еда, минус я с никакими шмотками, после лета уходящая в зиму. Я же в «дальнее плаванье» собралась, и за шмотками в том числе, а сама на стройке оказалась! Минус я молодая дурочка, девятнадцать лет в октябре стукнуло, потусоваться хотя! А я в книгах носом, хотя нормальные инстинкты звали в «злачные места», только не такие, как показывала мне Лариска.

Месяца три я честно работала до боли в мышцах. Ученице что доверяют? Правильно! Убирать мусор, мыть окна и батареи, подтаскивать банки с краской, выметать пылицу и прочую муру. Но месяца через три мне стали доверять красить окна. Я с самого детства любила и умела шить, а это очень усидчивая работа. Она заставляла быть очень аккуратной, поэтому я потихоньку приспособилась к окнам накреп-

ко. На чем меня и оставили в покое. И стала я натаскиваться на раскрашивание окон, как слон на ношение бревен в Индии.

В конце концов, я сдружилась с молодой малярихой, которую звали Лена, и которая тоже жила в общеаге, но была из близлежащей деревни, и стала с ней осваивать просторы большого города.

Самое действительно «злачное место» в городе Владивостоке, которое подходило нам по карману, было кафе «Пингвин». Правда, находилось оно на другом конце города, но зато публика там была вполне даже приличная.

Мы покупали в складчину одну бутылку дешевого вина и ехали в кафе. Вино добавлялось в коктейль, состоящий, черт знает из чего, но он был в высоком и узком стакане с соломкой, и красного цвета, а добавлять в него вино из сумочки под столом было очень даже запросто. Так мы умудрялись, натанцевавшись до сыта, по дешевке провести время с одним единственным коктейлем.

Там я познакомилась с очень интересными молодыми ребятами. Это оказались сливки местного общества. Один был сын начальника порта, Белошапкин Володя, второй *настоящий* «капитан дальнего плавания» Борис Чурилин. Ещё один, тоже капитан, но близко ходящий рыбак, Женя Хижняк. И ещё несколько ребят за давностью лет, плохо оставившие в моей памяти свои фамилии.

Мы придумали сами себе легенду, что, якобы на стройке,

проходим практику. Я, типа, два курса ЛИСИ (Ленинградский инженерно строительный) имею за спиной, и приехала по направлению, а Лена местная, тоже что-то институтское во Владике на практике осваивает. В общем, мы девушки почти ученые, почти с дипломами... и к нам всякие такие не подходи! Нам приличные ребята нужны. Вот мы их и высматривали. А эти были очень даже приличные.

Интерес лично для меня представлял только один из них и интерес «извращенный». Я с самого детства была «не как все». Меня вечно несло в коммерцию. Ещё в седьмом классе я уже пыталась зарабатывать «бабки». Мы, тогда, жили в стране жуткого дефицита, поэтому пытались что-то такое придумать для моды, до чего сама мода в жизни бы не додумалась.

Я, например, дома шила платья и продавала их «из-под полы» на толкучке, у нас в Орше. Бралась одна мужская майка, в рубчик, лишнее обрезалось. К этим остаткам от майки пришивались рукава-фонарики из ситца поярче. Вокруг горловины вырез рамочкой-каре отделялся тем же ситцем, из-под которого выглядывала кружевная сборка. Юбка была из ситца же, плюс оборка и отделка кружевом. Кружево белого цвета, так называемое бельевое. Простые, белые кружева. К этому шедевру из ситца и трикотажа пришивался «лэйбл» покруче, с непонятными словами на любом языке и толкался народу как импорт.

А тут портовый город и в нем настоящий «капитан даль-

него плавания», который и на самом деле был капитан. Боря Чурилин. Он «ходил» в Японию три, четыре раза в месяц! Представляете? Он же оттуда таскал шмотки, но таскал только по заказам знакомых, а не для продажи. А тут я! Оголовавшая фарцовщица, которой нужно домой попасть. Обратно. И я подписала, таки, Борю на совместный бизнес. Он стал возить из Японии шмотки на продажу под мой заказ.

Килянуссс! Больше между нами ничего не было. Хотя Боря был тогда холост.

А в то, коммунистическое время, за любой «бизнес» сажали, а за этот «бизнес» так сажали, как вам во сне и не снилось! А высылали дальше, чем видишь! Дальше Владивостока, в, типа, город Магадан. Поэтому нужно было соблюдать конспирацию. Супер конспирацию. Шмотки заказывались лично, с глазу на глаз, на ушко и шепотом, а лучше в ванной, под шум воды. А уж как вывозились из Бориной квартиры, я вообще молчу!!!

Боря снял у знакомой бабушки комнату «для блядок», куда затаскивал кульки и пакеты без завоза в свою квартиру, а я приезжала на трамвае сугубо по темноте, скреблась в дверь без звонка, и увозила тряпки в дырявой авоське к себе в общагу. Уезжала я только обязательно утром, пока народ ещё спал, а Боря, типа, «ушел ещё ночью», так я врала бабке. За то все местные девицы щеголяли в японских шмотках по городу и в кафе «Дельфин» и очень гордились собой.

В своей холостяцкой квартире Боря жил сам и там же со-

бирались его бесчисленные друзья и подружки. Там мы пили экзотические напитки из необыкновенно красивых бутылок!!! курили настоящее, американское, красное «МАЛЬБОРО»!!! и слушали музыку...!!! Даааа...

Квартира у Бори была выдающаяся! Настоящая берлога истинного холостяка. В те времена это было невиданной роскошью! У холостяка и квартира!!! А сама квартира и не квартира вовсе, по теперешним понятиям, а набор из трех чуланов. Хрущевская однокомнатная распашонка, с балконом, совмещенным санузлом, с проемом в комнату и шестиметровой кухней вправо. В комнате слева стоял замученный любовями, страшно скрипучий диван, который пытался спрятаться одним углом за шкаф, справа черно-белый телевизор на столике из четырех ножек, переключающий каналы исключительно с помощью пассатижей, старый магнитофон на полу с катушками и лентами, а прямо на входе, у стены анфас, стоял стол со стульями. Выдающийся стол, за которым пересидело пол Владика.

Над этим столом висела большая фотография человека с гитарой, который сидел именно за этим же столом, окруженного восторженной толпой моих знакомых, которые дружно смотрели ему в рот.

Все остальное, свободное пространство квартиры, включая кухню, заселяли именно те самые пустые, экзотические бутылки со всевозможными заграничными этикетками, которые даже выбросить было жалко. Красота жа!

А потому, что места на балконе уже не было давно.

Боря гордо рассказывал мне про человека на фото. Это был его школьный друг, точнее кореш, артист и певец. Сам Боря был москвич, учился в высшей мореходке тоже в Москве и сильно дружил с этим, который на стене и с гитарой.

А я же дурочка из провинции, не из Питера же. Я откуда знала, кто такой этот Владимир Высоцкий? Я даже и понятия не имела!

Тогда Боря стал меня знакомить с «его творчеством». Творчество это было записано на кассетах. Вот его-то мы и прослушивали с «кайфом», пока считали пачки денежек, радующие наш глаз, и согревающие душу будоражащими воображение песнями.

Творчество состояло из смешных песенок о 33-х богатырях, о том, из каких опилок гонят водку и как ее пьют, про клоунов, а особенно баньку, которая пелась с таким надрывом, что мне, по провинциальной глупости, было его даже жалко, как он хрипит, родимый! Когда я делала об этом свои глупые замечания, Боря так ржал! От души! А я-то не понимала. Типа, не догоняла.

Но потом я стала слушать чаще, вслушиваться, догонять и ценить, и мне даже стало нравиться. Особенно песня про «баньку». Она меня так цепляла, что когда Боря не видел, даже слезу рукой ловила. Очень мне его песни стали нравиться. Во-первых, потому, что содержательно по смыслу, а

потом стало нравиться ещё и потому, что сильно выбивалось из общей песенной массы, восхваляющей идеи и достижения социализма во всей его надуманной красе. Во всяком случае, его песни не были, типа «Марш Энтузиастов»....

Это было так давно, Боже мой, аж в семьдесят втором году, когда Высоцкого ещё мало кто знал и в столице-то, а уж в моей провинции – чему удивляться!

Хотя я по тем временам была девушка «продвинутая». Дело в том, что у меня были друзья моих знакомых, те самые инженеры, которых раньше засылали к нам в провинцию на наш «почтовый ящик» из всевозможных ВУЗов Страны и из разных городов. Особенно продвинутыми были москвичи или ленинградцы. Они были ещё те «столичные штучки»! Вот они-то и экспортировали к нам в глушь и гитары, и сопутствующие им песенки, вольно направленного характера. Одну из них, про богатырей, я слышала и раньше, от них, но понятия не имела, кто ее сочинил. Поэтому имя Владимир Высоцкий!!! прозвучало для меня открытием только в городе Владивостоке.

Так продолжалось аж до марта месяца, почти год, как я молярила в г. Владивостоке, а в конце марта произошло нечто!!! Знаковое событие.

Была суббота, выходной день. Самое время заняться делами. Я, как всегда, соблюдая конспирацию, звоню Борису. Он как раз должен был прибыть из рейса. Сначала трубку долго никто не брал. Я звонила три раза. На четвертый раз

трубку взял какой-то мужик и очень сонным, скрипучим голосом говорит:

– Алло! Слушаю!

– Мне бы Бориса услышать? – нежно так, говорю я.

– Всем бы Бориса услышать! И мне бы тоже! – хрипло отвечает он.

– Вы, наверное, не поняли. Я прошу позвать к трубочке Бориса. – нудно повторяю я.

– Отвечаю ещё раз! Мне бы его тоже! Увидеть!

– А вы кто, собственно, такой? Я что-то вас раньше у Бори не наблюдала?

– А тебе какое дело? Я тебя тоже не наблюдал. – нагло так, отвечает мужик и бросает трубку.

Я звоню по-новой. Он долго не берет, а потом сразу начинает орать в трубку:

– Слушай! За...бала! Нету Бори, и где, я не знаю!

– Ну, ты и хааааам! Ты что же матом-то ругаешься, как сапожник! – тоже перехожу и я на ты.

– А я ещё и не начинал матом! – орет он. – А если начну, тебе мало не покажется!

– Я сейчас милицию вызову и заявлю, что к Боре в дом вор залез, потому, что Боря у нас человек уважаемый и просто так всякое говно в дом не пускает. – разозлилась я.

Я-то имела в виду, что у Бори полный дом бабок и даже может быть шмоток, засвечивать их перед чужим он не будет, значит или свой, но не сознается, или это какой-то ле-

вый. А милицией я его просто пугала. На всякий случай.

– Пошла ты на ...! – заявил он мне и опять бросил трубку.

Не! Видали? Я звоню из автомата, у меня сорока двушек в кармане нету, стоять тут и бросать их в прожорливый автомат, у меня и три-то только с трудом нашлось, а он матом и трубку бросать...

Я опять набираю. Бросаю последних две копейки!

– Ты! Сука! – тут же заорал он нехорошим голосом. – Кончай тут наяривать! Я спать лег только утром, а ты не даешь мне выспаться! Если ещё раз позвонишь, я вырву провода из стенки! – и опять трубку бросил!

Такого трамвайного хамства я никак не ожидала! Я нашла у прохожих ещё одну двушку и опять поперлась в автомат.

Вот хам, так хам. – Пело мое нутро, о чем я ему и сообщила:

– Я тебе не сука! Я девушка и не надо тут обзывать! А ты хам трамвайный! Счас как приеду – точно мало тебе не покажется!

– Давай, давай, ковыляй! Я тебе твои ковылялки повыдергиваю! Это же надо, какая доставучая! – стал возмущаться он. – Ей говорят человеческим языком, а она как об стенку горох! Наглая сучка, кончай наяривать, дай проспаться! – уже взмолился он.

Не, нууу, мы это, человеческий язык понимаем. Когда человек просит человеческим языком, по-другому, это же совсем другое дело. Поэтому я трубку тихо так положила, и в

общагу двинулась.

У нас с Борей была договоренность. Если что-то очень спешное, он мог мне в общагу позвонить, но наши вахтерши они, как и все вахтерши в общественных местах, самые главные начальники, а особенно в строительном общежитии. Смотрят на тебя свысока, морду воротят, голоса себе подобрали, как по заказу. Помните, сказку про козлят? Там волк себе спец. голос заказал, под козу? А наши вахтерши голоса себе заказывали «под волка». Поэтому звонить часто было противопоказано. Мало того, что они старались с помощью великого русского языка, пересыпанного матом, очень громко донести тебе кто и зачем звонил, так ещё докладывали начальству и унижали перед ним, как могли, обзывая звонившего чем-нибудь непотребным.

Но в тот день, часов в пять, Боря набрался смелости и позвонил.

Вахтерша орала, как резаная, на весь лестничный проем. Орала так, что мне стало слышно на втором этаже в комнате: – Нинка! Иди к трубе! Тебя тут на блядки вызывают!

И это в семьдесят третьем году, мне, скромной девушке из провинции, из семьи, где никто и никогда не ругался матом изначально! И на все окружающее пространство. Ужас, да и только!

Я, вся краснея и бледнея, пошла к телефону.

– Нинуля. – скромно сказал мне Борис. – Я приглашаю тебя в гости сегодня вечером часов в восемь. У меня гость

в доме.

– Я в курсе. – скромно ответила я, косясь на вахтершу. – Я с ним уже побеседовала.

– Я тоже в курсе, что уже побеседовала. Он сказал, что будет извиняться.

– Таак!!! – Тут же заорала вахтерша «волчьим голосом». – После одиннадцати я дверь закрою! Имей в виду. – и выдала проходящим мимо девчонкам тираду: – Все имейте в виду! Я вам тут блядство прекращу! Ходют и ходют мужики, ходют и ходют, мало этого, в окна лезут! Вот домой приедете, там пускай в окна кто хочет, тот и лезет, а тут у меня ни-ни! – она потрясла пальцем в пространство.

В Борином доме, ещё на лестнице было слышно, что в квартире много гостей. Стоял настоящий, загульный гвалт. Даже соседские тормоза явно не работали, значит, коллектив уже «принял на грудь», раз плевать хотели на них.

Боря открыл дверь весь красный и взъерошенный. Вид у него был довольный и уже «подогретый» спиртным.

– О! Проходи! – подхватил он меня под локоть и буквально потащил в комнату, где и сообщил всем громко: – А вот и она!

Коллектив так грохнул от хохота, что я даже опешила, но поняла, только что была в подробностях озвучена наша утренняя перепалка.

Я смотрелась, и что же увидала? За столом восседала вся наша пингвиновская компания, уже порядком подвы-

пившая, а слева, во главе стола сидел тот, кого Боря называл Владимиром Высоцким, собственной персоной! Прямо под фотографией. Точно в той же позе, и даже в похожей рубашке, точно так же нога за ногу и в руках гитара. Как будто сошел с фото и уселся за стол. Я опешила от неожиданности.

И ведь не предупредил же, гаденыш Борька.

Все ещё дружно ржали, когда Владимир встал и подошел ко мне очень смешной, типа, элегантной походкой, чуть подвиливая задом, взял мою руку, поцеловал и со смехом сказал:

– Мадам! Смею представиться! Хам трамвайный!

Компания заржала ещё громче. Я тоже не удержалась, потому что это, и, правда, было очень смешно! Мы дружно покатались со смеху. Володя хохотал громче всех и даже приседал. На глазах у него выступили слезы.

– Если честно. – сказал Владимир, после того, как их утер. – Меня ещё в жизни никто не называл хамом трамвайным. Честное слово! – Это где-то даже полезно! Когда тебя опускают на грешную землю и нежные, молодые, красивые девушки называют хамом. Я вам за это песню спою. А зовут вас как? – он прищурил один глаз.

– А друзья зовут меня Нинуля. А вообще-то меня не зовут. Я сама прихожу, когда сочту нужным. – почему-то нагло сказала я и сама на себя очень удивилась. Чего это меня-то в хамство опять понесло. Оно что ли заразное? Но Володя не обиделся, хотя выделил выпукло мою кривую реплику.

– Ну, вот и обменялись любезностями по новой. – он пошел к столу.

– Господи! – спохватилась я, озвучивая свою мысль. – Чего это меня-то в хамство понесло? Вы меня простите. Это от неожиданности. Вместо того, чтобы петь вам дифирамбы про ваши песни, я вдруг в другую сторону. – выдала я и совсем опешила. Мой язык лепил такую ахиною, что мне стало стыдно. Что может подумать человек? Дура, она и есть дура. Из провинции. Хорошо хоть, что никто этого не знал. Я ж для всех была «из Питера»! Поэтому я заткнулась и присела бочком на диван. Стульев свободных уже не было.

Володя протренькал по струнам и вдруг запел про богатырей. При этом в куплетах, где про русалку, которая совсем недолго берегла свою честь, стал смотреть только на меня, для чего даже развернулся.

Я даже обиделась. Я ж, между прочим, свою честь к тому времени очень даже сберегла.

Когда он допел до конца я и спросила:

– А это вы кого имели в виду под этой русалкой? Меня, что ли? Так я между прочим. Девушка. – сказала очень гордо! потому что считала, что сей факт заслуживает мужского внимания.

Он заржал как лошадь, а все тут же подхватили и выдал:

– Знаете анекдот!? У армянского радио спросили: много ли девушек в городе Ленинграде? На что армянское радио ответило: выдайте дуре самокат и пушай сваливает из города

Питера!

Все опять заржали, а теперь Боря выдал:

– А она уже свалила в город Владивосток по направлению!

Народ грохнул со смеху, а я сидела, как оплеванная и краснела. Володя это усек и сказал ласково:

– Да, ладно! Не обижайся. Это я так. К слову. А вообще ты это принципиально, или почему? Я про девичество.

– Я хочу по любви чтобы было, чтобы красиво, чтоб сердце ёкало... – сказала и опять покраснела, но от своей бестолковости. – Кто такие вещи обсуждает по-пьянке?

– Правильно! – сказал Володя. – Ты честь береги и отдай только по любви! На самом деле это очень важно! Настоящий человек себя не на помойке находит, а настоящая девушка это вообще подарок судьбы! Молодец! Я тебя зауважал! – сказал и наклонил голову, как в поклоне, положив руку на сердце. Получилось как-то театрально, но зацепило. Все о чем-то задумались. Правда, ненадолго.

– Может чего-нибудь серьезное тебе спеть? – спросил он прямо у меня. – Заказывай.

Народ молча, как замороженный, наблюдал за нашей дискуссией.

– Мне ваша «банька» очень нравится. – тихо сказала я – Тем более, что у меня мама сибирячка, а деда моего «утащили из Сибири в Сибирь», и мне кажется, что именно два здоровых охранника. Я под вашу «баньку» всегда плачу.

– Да! Точно! – встрял Боря. – Сам видел, как она украдкой

слезы роняла. А я и не понял – почему? А это из-за деда?

– И из-за бабки. За нашей фамилией долго почему-то по Сибири гонялись, пока почти всех мужиков не перебили. Чем она им не понравилась? Правда, мой дед у Деникина в офицерах служил, в Белой армии, но, потом же к красным переметнулся! Я его не осуждаю, может, выхода другого у него не было, но красные ему все равно дворянства не простили. Мы считались долго «детьми врагов народа», пока после Хрущева не получили реабилитацию.

– Так ты коммуняк не любишь? – хитро так спросил Володя, прищурив один глаз.

– Терпеть не могу. А за что любить? За то, что моя мама сиротой осталась, за то, что её дальние родственники выгнали на сибирский мороз, и она в собачьей будке с Тузиком в обнимку спала?

– А почему ее в датский дом не сдали? Тогда всех «врагов» в детские дома сдавали. – удивился Боря.

– Какой детский дом! Мои деды были богатые. У нас дом до сих пор в селе «Преображенка» Тобольской губернии, самый большой. В нем чего только не было. И контора Председателя колхоза вместе с Райкомом, и школа с другой стороны вход, потом библиотека, а в последнее время клуб. Поэтому четверых детей по домам разобрали, а добро поделили.

Все сидели молча, и думали, каждый про свое.

– Давайте за наших дедов, которые прошли страшные испытания. И не все выжили посла них, к сожалению. – поднял

тост Володя Белошапкин.

Все чокнулись и выпили, а Высоцкий начал тихо, в полголоса:

– Затопи ты мне баньку по белому
Я от белого свету отвык,
Угорю я и мне угорелому,
Пар горячий развяжет язык...

И запел дальше, а я сидела, как замороженная и даже не дышала! До меня вдруг доехало, что вот сейчас в моей жизни происходит что-то очень важное! Вот сейчас меня по темечку стукнуло яблоком, и я должна буду сказать «эврика»...

Честное мое слово! Когда поет настоящий артист, когда он *ТАК* поет, что сжимается сердце, а к горлу подступает комок, тогда не важно, что там какие люди думают или не думают! Просто я сидела на краюшке дивана, а напротив меня сидел Настоящий Человек с Большой Буквы и пел *ИМЕННО МНЕ*, песню, от которой и так в горле комок першил, а тут тормоза мои совсем отказали, и из глаз просто посыпалось.... Я их даже не утирала....

Он допел.... Наступила тишина. Просто гробовая! И вдруг в дверь кто-то позвонил. Мы все аж подпрыгнули и переглянулись! Сказать, чтобы мы тут орали или ещё чего, типа били посуду, тогда да! А так сидит замороженная компания разинув рот, а один АРТИСТ поет вполголоса песню.... И что???

Боря пошел открывать дверь. Мы насторожились. Особенно я. В Бориной квартире под диваном, на котором я сидела и в шкафу, за моей спиной, было битком набито «товаром»!!! Ужас сжал мое горло, не успели просохнуть слезы...

В коридоре кто-то с кем-то поговорил, потом Боря вернулся один с очумелыми глазами, и молча протянул Володе телеграмму.

Володя развернул сложенный листок и прочел текст вместе со знаками препинания:

– Боря тчк. Срочно сообщи Володе тчк. Я получила визу зпт. вылетаю Москву через четыре дня тчк. Марина. Тчк...

Все молча уставились на Володю. Он подскочил, как ужаленный, и вдруг резко преобразился. Куда девались морщинки у рта, куда мешки под глазами? Лицо враз помолодело, расцвело, и он вдруг сказал именно мне:

– А ты говоришь, что любви нет! Есть! Е-Е-Е-сть!!! Ещё как есть! Урра!!! Она прилетает!

Все почему-то подскочили тоже и засмеялись, как будто Марина прилетала именно к ним. Кто такая эта Марина я понятия не имела, но тоже, была очень рада, тем более, что он вдруг подхватил меня с дивана и закружил по комнате, ступая моими ногами всех подряд. Кружил и повторял:

– Едет, едет, едет... она едет!!! Ты хоть это понимаешь!?

Тут я осмелела и спросила прямо у его лица:

– А кто такая эта Марина?

Он сначала опешил, а потом поставил меня на пол, по-

смотрел внимательно, и опять весь расцвел:

– Это самая красивая девушка на свете и я её люблю!!! Ты это понимаешь? И она ко мне едет! Понимаешь?

– Не-а! – честно сказала я, глядя ему в каждый глаз по очереди. Я, правда, не понимала. Нет, я понимала, что Марина едет, но не понимала, при чем тут какая-то виза. Я такого названия даже не знала. – При чем тут какая-то виза? И что это за виза? – наконец выдавила я из себя это мучительное слово.

– Глупенькая девочка. Она у меня иностранка! Француженка! – понимаешь?

– Ааааа!!! А что, она из самой Франции едет?

– Вот в том-то и дело! Я ждал этого дня полгода! Понимаешь? А мы тут сидим! А надо собираться! Я ее вообще так давно жду!!! Боря! Ты поедешь со мной? Я один не доеду. Опять где-нибудь тормознут.

– Хорошо! Я поеду с тобой. – ответил Боря и сказал уже мне. – Пойдем на кухню.

Я пошла. Я все поняла. Чем больше денег мы зарабатываем, тем круче у Бори аппетит. Денег, значит, нету! Не-ма-е! Но спросила сначала про наше, бабское: – А кто это Марина? И что за сложности приехать? Сел себе и езжай! Были бы бабки. Да?

– И да и нет. Марина, это Марина Влади. Знаешь такую актрису. Французскую? Она в фильме «Колдунья» играла. Видела?

Вот тут я аж подскочила:

– Что! Сама Марина Влади? – я совершенно опешила. Представить себя так близко от своего кумира, было что-то невероятное! Она в то время была для меня именно что кумиром. Я даже волосы отрастила и носила под нее. Да тогда все девчонки грезили Мариной Влади! Мне вдруг показалось, что я ее даже вижу рядом. . . , с собой, но не с. . . . – Она что, его любимая девушка? В жизни бы не сказала! Он же такой! Нууу, обыкновенный! Ну, АРТИСТ, да! Поет классно, но она же, по-моему, такая длинная. Она в фильме так скачет по полям и лесам, волосы развиваются, белые, класс! Красивая. Очень красивая! Он же ей до плеча! – высказала я своё резюме и представила Высоцкого рядом с Влади. Мне, лично, он был до бровей. Когда он меня крутил, это было хорошо понятно.

– Глупенькая ты. Девушка, потому что! В кровати все равны и одинаково любимы. И длинные и маленькие. Я вот маленьких люблю. Но я про другое. У тебя бабки есть?

– А сколько надо?

– А сколько есть? Все давай. Я решил, что ключ от квартиры тебе оставляю, ты потом тут все это сама «сдашь» и мой долг вычтешь, а остальное Вовке Белошапкину отдай. Я ему что-то там должен. Хорошо?

– Да. Хорошо. Только они все у Лены. Я в общаге не держу, там у меня эти, алкашки.

– Звони, значит, Лене. Пускай берет тачку и сюда.

Лена приехала только через пару часов. Оказалось, что все мои деньги она держит у мамы в деревне. Пришлось ехать на такси в деревню и обратно. За это время от жалостливо-тоскливой темы мы перешли к радостным.

Настроение у всех было просто чудесным, как будто и правда к нам ко всем летела на крыльях любви очаровательнейшая женщина, красавица и умница, как рассказывал нам Володя – его Марина Влади!!! Поэтому за этими разговорами к приезду моей Лены все уже были сильно под шафэ, включая меня.

Лена привезла нам кучу денег, которые я и вручила Боре.

Дальше память делает кульбит, потому что на радостях от получения денег гонец три раза гонял в подворотню к знакомому дворнику (у Борьки именно там происходила основная алкогольная затоварка по ночам), и чем закончилось все это безобразие, я помню смутно. Прямо по-Высоцкому: – Только помню, что стены с обоями...

Мы все куда-то ехали прямо с сумками провожаться, по дороге заехали в ночной ресторан, оказывается для «капитанов дальнего плавания» во Владике были и такие, потом помню отрывками Аэропорт и ночной ресторан там, пока кто-то из наших добывал билеты, а в то время это была ну ооочень большая проблема.

Помню, как все хором пели что-то из Высоцкого и махали руками, провожая ребят за турникет, помню, пели и танцевали что-то типа сиртаки, в одну шеренгу около здания Аэро-

порта, пока на нас не наехал мильтон...., дальше не помню...

Проснулась я почему-то на раскладушке. И не одна! Было очень тесно, и кто-то сопел мне в ухо. Разлепив один глаз, второй придавил локоть, и не мой, я скосила его на то, что сопело рядом.

Это был ВОВА БЕЛОШАПКИН!!!

Ё! Моё!!! А он-то как попал ко мне на раскладушку? Я что, с ним «согрешила»? От этой мысли я вся аж вспотела! Столько лет беречь эту долбаную «честь», чтоб потом в пьяном угаре?!!! Мама моя родная! Я что, совсем дура? Мне же он никогда не нравился. Володя был очень хорошим парнем, но не в моем вкусе. Он был очень полным и не совсем высоким. А нам же по молодости всем красавцев подавай! Особенно в «первую брачную ночь»!!! И вообще, как он умудрился взгромоздиться на раскладушку? Она же ему одному на пол попы как раз!

Я стала выбираться на волю. Это оказалось не просто. Одна из Володиных конечностей лежала поперек моего тела, ужав в раскладушку основательно, а приподнять ЭТО было делом нешуточным. Кряхтя и выворачиваясь, я из раскладушки вывалилась на бок, вот тогда и огляделась.

Оказалось, что мы с Леной ночевали в Бориной квартире. Она, как королевишна, на диване, а мы, понимаешь, вдвоем на раскладушке!!! Ни-фи-га-се-бе! Опять хамство трамвайное. Но что было самое удивительное, я спала одетая!!! А был, между прочим, март, а не лето, и я в теплом свитере.

Вот почему я так вспотела! Конечно, если на свитер сверху положить Володю, то все вспотеют! Но это наводило на другую мысль: значит, я от приставаний отбилась! Побежал в ванную проверять свое состояние, и выскочила оттуда радостная! Он меня не тронул!!! УРПРААА!!!

Дальше рассказывать не буду, только в трех словах. Я же вам рассказываю про Владимира Высоцкого, на минуточку!

Из Владика я уехала навсегда только в конце мая месяца, а Боря вернулся из Москвы через пару недель. С диким хохотом рассказывал, как они летели в Москву. Такое приключиться могло только с ними. Они по-пьянке то ли посеяли где-то, то ли у них украли почти все деньги. То есть в карманах у Бори остались только те бумажки, которые были сдачей от дворника, а у Володи и того меньше. Но на них набежало это противное слово НО!!! Но в Новосибирске самолет совершил вынужденную посадку. Что-то там у них сломалось, а потом не пускала погода. Это именно об этом потом пел Высоцкий, собрав воедино все свои «задержки рейсов». Они сидели в Новосибирске три дня! Представляете, какое у Володи было настроение? Его любимая девушка уже в Москве, а он сидит посреди Сибири и тоскует!!!

Тоскуй, не тоскуй, а есть-то хочется!!! И что они удумали? Они стали петь прямо в здании Аэропорта! Концерт по заявкам застрявших! С шапкой по кругу!

Вот такая вот история.

Когда я вернулась в свою маленькую и уютную Бараньку,

я, вначале, даже никому не стала рассказывать про всю эту канитель и только Лариска услышала всю историю через год прямо из первоисточника, во что не поверила! Представляете? Хотя, если честно, она понятия не имела ни про Высоцкого, ни про Марину Влади. Даже не знала таких....

Сиинильно начитанная была девушка...

Но на этом история ещё не закончилась! Прошло пять лет.

Зима. Слякоть. С неба что-то сыплется, противное. Я иду по Невскому проспекту в районе угла улицы Владимирской. Там на этом углу был ресторан и сбоку кафе, которое мы обзывали, почему-то, «Сайгон» и в котором были необыкновенно вкусные слойки с капустой. Основное питание нищего студента. Я из него только что и вышла, но не одна, а с подружками. И вдруг около нас тормозит иномарка! Красивая!!! Слов нет!

А из нее выпрыгивает *САМ ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ!!!*

Девчонки встали, как вкопанные. К тому времени это имя уже гремело по всей Стране Великой! Я тоже стою. Смотрю. Вдруг он подбегает ко мне, чмокает в щёку и громко так, на весь тротуар, чтоб все девчонки услышали, говорит:

– О! Здорово! Нинуля! А ты как здесь?

– Я! Я! Я!.. учусь я здесь и живу... – у меня в горле аж заклинило.

– Девчонки! Привет! – вдруг говорит он всем. – А вот это горе, которое пять лет тому назад было ещё и девушкой, – и показывает на меня. – обозвало как-то меня хамом трамвай-

ным! Я это до сих пор помню!!! Просто меня в моей жизни никто и никогда так не обзывал!!! Ты давай, не пропадай! – Он ещё раз чмокнул меня в щёку. – Я спешу! Пока!

И заскочил за дверь гостиницы. А мы остались стоять, разинув рты, посреди улицы.

Правда, потом эту новость кто только кому не рассказывал и мой рейтинг в «Сайгоне» сильно повысился, но это уже другая песня.

Прошло опять много лет.

Следующая встреча была из другой оперы.

Лето! Москва. Шумит! Олимпийские игры! Мне заранее достали билет на бокс. Правда, на страшной верхотуре, на галерке в Олимпийском. Я себе представила, как я там сижу, а внизу букашки руками в перчатках махают, но собралась пойти. Нужно было на стадионе духа олимпийского глотнуть...

И вдруг как гром среди ясного неба прозвучало на всю Москву!

УМЕР ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ!!!

Москва аж вся зацепенела! Я к этому времени так привыкла к тому, что *ЛИЧНО ЗНАКОМА*, что мою историю *про это* знал каждый мало-мальский мой приятель. Телефон у меня трещал без перерыва с утра и до ночи целых два дня, как будто я была его близкой родственницей. В связи с таким делом, один мой друг Ежи Ращевский, решил, что я *ОБЯЗАНА* быть на панихиде в театре, и достал нам двоим пропуск.

Какой Бокс! Туда я естественно, не пошла...

Мы договорились с Ежом, что встретимся внутри метро Таганская в десять утра. Но я к тому времени была уже человеком состоявшимся, имела мужа и нехилые деньги. И как это «наше величество» поедет в метро? «Наше величество» поехало на такси! А такси довезло это сраное величество только до моста под Садовым кольцом, а дальше сами, мадам, сами... Я и пошла... сама. Дошла до тыла театра, а дальше милицейский кордон! Не пуцають, гады! Меня!!! И не пуцають к Высоцкому!!!

Я давай башкой своей тупой и гордынной крутить туда-сюда, ругая себя последними словами. Смотрю, а народ тоже пытается как-то прорваться. Два молодых человека подались вглубь соседнего двора. Я поперлась следом, а там вместо забора натянута сетка-рабица, но есть вариант ее перелезть!

Они-то ребята, да ещё и в штанах, им проще, а я дура в новой юбке. И что вот делать? Полезла следом на забор. Туда залезла, сижу сверху как на коне, забор качается, сетка. Думаю – сейчас как навернусь с этой верхотуры, мало не покажется. Стала ногу переносить через сетку, а юбка зацепилась, да так основательно, я вам дам. Я ногу перекинула и вдруг оборвалась и на юбке повисла! Представляете! Но как гордо повисла, как на такси приехала! Дура! Висю и кукарекаю: – Люди! Помогите! Снимите меня!!!

Слава Богу, пришли два местных алкаша и вдруг говорят:

– Деваха! На бутылку дашь, сымим!

– На две дам! – кричу я, вися, как мокрые подштанники, на этой сетке.

Алкаши принесли лестницу. Настоящую, крепкую лестницу, приставили рядом и полезли по ней ко мне наверх. А я висеть-то висю, но ценные замечания отпускаю, по ходу пьесы:

– Мужики. А у вас ещё одна лестница есть?

– Есть! – говорят.

– А вы вторую лестницу притащите, на ту сторону забора опустите, и бабки с народа снимайте. Вам не на одну бутылку народ накидает.

– О! Точно! Васек, беги за второй лестницей!

Васек быстренько соскочил, и приволок вторую лестницу.

Снимали меня хором. И два алкаша и ещё набежавший народ, который понял, что, кажется, тут что-то светит!

Снять-то они меня сняли, но клочок из юбки все-таки выдрали. Правда, на той стороне забора, я умудрилась грохнуться в крапиву. Это я вам скажу круто, выползать из крапивы на четвереньках, а потом слюной пытаться зализать крапивные укусы.

Огляделась я по сторонам и направилась в ту сторону, куда ребята подались, потому что обратно они не появились, а потом они так целенаправленно перепрыгивали через сетку, что создалось впечатление об их хорошей осведомленности о задворках театра...

Мужики с лестницей просимофорили в спину, что нужно пойти в третий подъезд, подняться на чердак, там есть проход в соседний подъезд, а из него пройти, спуститься по лестнице и выйти прямо на Таганскую улицу, почти рядом с театром.

За мной тут же пристроилось несколько быстро перепрыгнувших, и мы подались искать чердак. Нашли! Пробрались, приседая под балками и все в паутине, спустились на первый этаж! Радостные!!! А тут облом! Прямо на выходе из подъезда на улицу оказалось оцепление из железных загоронок, и нас заблокировали. Ну, вот и что сделаешь? Я стояла самая первая. Я видела, что вся улица забита народом до стоячки, и стоят они за этими ментовскими загородками желтого цвета в очередь к дверям театра. Друг за дружкой. Я поняла, что-то случится и стала в дырочку двери выпасать, когда же менты отойдут или рассосутся.

И дождалась! Вижу, по Таганке от Садового кольца спускается троллейбус, наверное, последний, потому что народу на улице было, как селедок в бочке, навалом! Менты стали свои загородки отодвигать и народ разгонять, чтобы его пропустить. Он собирался за зданием метро сделать кольцо или просто остановиться. Вот тут-то мы все и высыпались, как горох из банки и врассыпную. Менты не успели очухаться, как я, самая нахальная, в хвост троллейбусу пристроилась и за ним, боком, боком и в метро! Слава Богу, прорвалась.

Часы в метро показывали без десяти минут одиннадцать.

Ежа, слону понятно, уже не наблюдалось. Кто будет ждать почти час, а мобильных тогда и в помине не было. Панихида прошла без моего участия. Я стояла в метро, которое работало с утра только на выход, и тихо грустила одна. Мои усиленные попытки в последний раз поклониться ВЕЛИКОМУ АРТИСТУ и прекрасному человеку, а ещё и моему знакомому, к сожалению, закончились ничем. Была надежда, что как-то можно прорваться, но желающих было несметное количество и я единственное, что смогла, стоя на цыпочках, возле входа в метро, подпрыгивая дожидаться, когда будут выносить гроб.

Впечатление жуткое! Когда такая огромная масса народу, несколько тысяч человек, как только гроб показался в двери театра, вся как будто выдохнула и такая великая скорбь прозвучала в этом выдохе, что у меня, да и у всех, мурашки по телу пробежали...

Не дай Бог никому хоронить молодого гения, который так много мог ещё сделать для моей многострадальной Родины!

Не дай Бог! Прощай, Великий Человек! – говорила я сама себе. Спасибо Господи, что ты хотя бы на миг был в моей жизни!

Юрий Визбор

*Человек, который шел так же...,
Поперек....*

Если бы не г. Владивосток, я бы так активно не отреагировала на эту, сейчас уже каждому человеку известную фамилию, а тогда, в году 1972-м мы только открывали для себя людей, идущих поперек.

Лето! Море! Мисхор.

На самом берегу моря кроме небольшой набережной есть еще и небольшой парк. Он разбит был на мысочке и выступал в море. Сам парк ничего выдающегося из себя не представлял, хотя экскурсоводы тешили отдыхающих сказками про очень редкие породы деревьев и очень старые их посадки. Слово «очень» звучало не очень, но сама по себе та часть парка, которая прямо на берегу, почти над морем, была уже достижением местной власти, в том смысле, что ее не снесли и не выкорчевали, почему-то.

Кроме пары клумб в этой части парка росли действительно очень выдающиеся деревья. Отличные, от всех деревьев в округе. Дело в том, что они были кривые. Совсем кривые. Хотя и толстые, но так экзотически закрученные сами вокруг себя, что на них можно было сидеть. Стволы шли почти вдоль земли, и только потом поднимали свои кроны вверх.

На этих толстых стволах каждый вечер сидело невероятное количество отдыхающего народа. Оно и понятно. Прямо – море, слева открытый ресторанчик, чуть выше танцплощадка, называемая в народе «сковородка» потому что одной круглой стороной втыкалась в гору, а второй, противоположной, висела в пространстве, как настоящая сковорода над огнем, в данном случае над морем. Мне она больше напоминала какой-то летательный аппарат, но не летающую тарелку, потому что в те времена про них еще никто не знал. За тарелкой находилось именно то, из-за чего народ и торчал в парке на кривых деревьях, то есть настоящий «Дом творчества театральных работников». В те времена народ жил другими принципами, чем сейчас и для простого обывателя «ЗНАМЕНИТОСТЬ» была именно знаменитостью. Их хотелось увидеть, потрогать, пообщаться и вроде как бы приобрести...

Знаменитости тоже гуляли и в парке, и на танцплощадке, и даже ходили в ресторанчик. Вот там-то их и выпасала отдыхающая публика, особенно из провинции. Может быть, только на берегу моря им и представлялась единственная возможность увидеть настоящих знаменитых людей! Замечательных людей!

А у меня своя история. Я к тому времени уже успела выйти замуж, родить сына, развестись, а потом, поздней осенью, мириться голой задницей в парке под соснами на холодной земле...

Это перемирие не принесло ничего путного, кроме двухстороннего воспаления легких, с которым я усиленно сражалась всю зиму. Воспаление пыталось перерасти в туберкулез, а пока пугало плевритом и нудной температурой 37,5 с падением меня в слабость и хождением исключительно по стенке.

В общем, к весне мое здоровьишко зашаталось основательно, и местные медицинские светила посоветовали моим родителям «вывезти больную к морю месяца на три». Желательно в Крым, потому что там воздух «легочный».

От такой перспективки мои родители чуть не грохнулись в глубокий обморок. Откуда при совке у нищей интеллигенции были бабки на вывоз моего тела к морю? Да ещё и на три месяца!!! Ниоткуда! Поэтому тему замяли. Родители! Но не я. Я решила сама себя вытаскивать из этого болота за шкуру. Или за волосы... Как барон Мюнхгаузен.

Собрав в кулак остатки воли и сил, а так же все деньги, которые были в загашнике, я, рано по утру, отбыла на юг, в Крым. Я не знала, куда ехать, к кому ехать, где я буду жить, как я буду жить, но собрала свои пляжные пожитки, и, оставив родителям сына и писульку, уехала в город Симферополь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.